

З. И. ГЕРШКОВИЧ

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ТВОРЧЕСТВА А. Д. КАНТЕМИРА

(Проблема «девятой» сатиры)

Мировоззрение и творчество А. Д. Кантемира еще недостаточно изучено советскими учеными. Ряд важнейших сторон деятельности Кантемира вовсе не получил освещения в нашей науке. Отдельные проблемы по традиции, идущей от буржуазно-дворянских исследователей, продолжают трактоваться неверно.

Так, в частности, обстоит с вопросом об эволюции мировоззрения и творчества Кантемира. Традиционная точка зрения искажает реальный путь идейного и художественного развития Кантемира, создает ложное представление о якобы происшедшем «поправении» его философских и политических взглядов в последний период жизни.

Перед советской наукой стоит важная задача — представить в истинном свете подлинную эволюцию мировоззрения и творчества Кантемира.

Для достижения этой цели важно правильно решить проблему так называемой «девятой» сатиры.

Литературная судьба сатиры «К солнцу» сложилась своеобразно. В первых изданиях сатир, вышедших уже после смерти автора, прежде за границей,¹ а потом в России,² она не была напечатана. Нет ее и в подавляющем большинстве

¹ *Satyres de monsieur le prince Cantemir. Avec l'histoire de sa vie. Traduites en François, A. Londres, Chez Jean Nourse, MDCCXLIX.* (Второе издание — в 1750 году). Далее цитируется по первому изданию сокращенно: *Satyres de Cantemir.*

² Сатиры и другие стихотворческие сочинения князя Антиоха Кантемира с историческими примечаниями и кратким описанием его жизни. В С.-Петербурге, при имп. Академии наук, 1762.

рукописных сборников XVIII века, где помещены произведения Кантемира. Свыше ста лет сатирическое наследие Кантемира определялось лишь известными по печатным изданиям восемью сатирами.

О возможности существования еще одной, ненапечатанной, сатиры имелось лишь глухое упоминание в биографии Кантемира, составленной его другом Октавианом Гуаско. Излагая данные о последних годах деятельности Кантемира, Гуаско, близко знавший его в этот период, указывает, что, написав восемь сатир, Кантемир начал было девятую, но не окончил ее из-за болезни.³ Свидетельство авторитетного биографа перешло затем почти во все русские био-библиографические работы о Кантемире, появившиеся в XVIII и первой половине XIX века.

В 1858 году, в «Библиографических записках» Н. С. Тихонравовым был опубликован текст не известной дотоме сатиры Кантемира, имеющей, однако, явно законченный характер.⁴

Н. С. Тихонравов не стал выяснять, в каком отношении находится публикуемый им текст к цитированному нами выше указанию Гуаско о девятой сатире, и ограничился лишь небольшим историческим и фактическим комментарием. Показательно, что Тихонравов не дал порядкового обозначения сатире. Несколько позднее неизвестная сатира Кантемира была перепечатана А. Д. Галаховым в I томе его «Исторической хрестоматии» (1864), а затем, по рукописному тексту, воспроизведена в издании П. А. Ефремова.⁵ Здесь ее поместили вслед за восемью известными сатирами, потому что она была открыта после них, а не по тому соображению, что она действительно была создана Кантемиром после этих восьми. Вслед за Стоюниным сатиру стали именовать девятой, оговаривая условный характер этого обозначения в формуле: «так называемая девятая».⁶

Текст IX сатиры был обнаружен Н. С. Тихонравовым в рукописном сборнике, хранящемся ныне в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.⁷ Это — небольшая по формату (в восьмую долю листа), но объемистая книга (236 листов), представляющая собой рукописную хрестоматию

³ Satyres de Cantemir, стр. 67—68.

⁴ Н. С. Тихонравов. Неизданная сатира кн. А. Д. Кантемира «Библиографические записки», 1858, т. I, № 3, стр. 65—69.

⁵ Здесь и в дальнейшем ссылки на издание «Собрания сочинений» А. Д. Кантемира, вышедшее под ред. П. А. Ефремова в двух томах (т. I — 1867 г., т. II — 1868 г.), даются в самом тексте: римская цифра обозначает том, арабская — страницу.

⁶ В дальнейшем изложении она будет обозначаться римской цифрой IX.

⁷ Сб. О. XIV. 2.

лучших произведений Кантемира, Прокоповича, Ломоносова, Сумарокова, Тредиаковского, Лашевского, Голеневского и других писателей XVIII века. Сборник этот, судя по полустершейся надписи, в свое время принадлежал Клименту Борковскому. Почерк — скоропись середины XVIII века, не всюду, впрочем, одинаковый. Чернила — разные. Сборник был, по-видимому, составлен не ранее середины 50-х годов: в нем имеются произведения, датированные в самом списке 1752 годом (например, «Ода вымышлена в славу правды, побеждающая ложь» И. Голеневского). На последнем листе рукописи пометка: «1777 г.». Рукопись открывается стихотворной «Речью» Кантемира, обращенной к Анне Иоанновне. За ней следуют первые пять сатир в первоначальной редакции, а затем на листах 60—63 помещена сатира «К солнцу», здесь обозначенная как шестая. Далее в сборнике помещена «трагедокомедия» Феофана Прокоповича «Владимир» и ряд произведений названных выше авторов.⁸

Принято считать, что существование IX сатиры впервые обнаружил Н. С. Тихонравов. Но это мнение ошибочно. В Архиве Института русской литературы Академии наук СССР хранится в рукописи исследование о сатирах Кантемира, выполненное студентом Петербургского университета.⁹ Ее автору удалось раньше, нежели Афанасьеву, установить существование первоначальной редакции пяти первых сатир. Кроме того, ознакомившись с рукописным сборником еще из собрания Толстого, он обнаружил в нем текст IX сатиры и подробно разобрал ее. Таким образом, можно утверждать, что сатира «К солнцу» была открыта задолго до Н. С. Тихонравова, а он лишь первый ее опубликовал.

Текст сатиры, напечатанный Тихонравовым, оказался не вполне исправным. Причиной тому была и дефектность самого списка, и неточности, допущенные исследователем в расшифровке его. Если недостатки последнего рода могли быть исправлены позднейшими исследователями (что частично и сделал В. Я. Стоюнин в издании П. А. Ефремова), то неисправности самой рукописи были непреодолимы из-за отсутствия

⁸ О существовании этого сборника в печати было известно с 1825 г. См.: К. Калайдович, П. Строев. обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке гр. Ф. А. Толстого. М., 1825, стр. 691. Авторы, однако, не указали, что сборник содержит не известную дотолде сатиру Кантемира.

⁹ Архив А. В. Никитенко, шифр: 19663 (СХХХIV.б.IV). Датировается рукопись 1841 годом, на ней имеется отзыв проф. П. А. Плетнева. Фамилия автора рукописи не установлена.

других списков сатиры «К солнцу».¹⁰ Кроме того, единственный список данной сатиры оказался лишенным авторских примечаний. Все это серьезно затруднило ее изучение и поставило перед исследователями ряд новых вопросов, на которые до сих пор еще не было найдено верных ответов.

Отсутствие авторского комментария в найденном списке сатиры затруднило в первую очередь ее датировку. Н. С. Тихонравов не решился сколько-нибудь определенно высказаться по этому вопросу. Первую попытку датировать IX сатиру предпринял В. Я. Стоюнин.¹¹

Его концепция сводится к следующим положениям: 1) IX сатира была написана Кантемиром в России и должна быть отнесена к группе сатир, созданных до отъезда его за границу. 2) Она написана после первых пяти сатир и, следовательно, фактически является шестой по счету, если исходить в нумерации из последовательности их создания. 3) Она написана непосредственно перед отъездом Кантемира за границу (т. е. в самом конце 1731 года), поэтому не попала в сборник, приготовленный Кантемиром для печати, и осталась без примечаний. 4) Относя создание IX сатиры к русскому периоду деятельности Кантемира, В. Я. Стоюнин ссылается на тот факт, что стихосложение данной сатиры сходно со стихосложением первоначальной редакции пяти первых сатир и не подчинено еще новым правилам, выработанным Кантемиром позднее, уже в бытность его за границей.

Точка зрения В. Я. Стоюнина была поддержана позднейшими исследователями.

Принимая предположение Стоюнина за несомненный факт и датируя IX сатиру 1731 годом, исследователи тем самым определяют решение вопроса о последовательности создания сатир, об объеме и составе сатирического творчества Кантемира в России и за границей, о направлении и характере его идейно-художественной эволюции и т. п. Из этого видно, что датировка сатиры важна не только для выяснения внешней истории данного произведения, но и для анализа других проблем, более значительных и принципиальных.¹²

¹⁰ Н. С. Тихонравов. Неизданная сатира кн. А. Д. Кантемира, стр. 69. «Замечательно, — писал автор, — что эта сатира попалась нам только в одном из десяти известных нам сборников сатир первой редакции».

¹¹ Подробная аргументация его точки зрения содержится в статье «Князь Антиох Кантемир», приложенной к I тому «Собрания сочинений» Кантемира, вышедшего под редакцией П. А. Ефремова (стр. XXIX).

¹² Следует отметить, что в 1953 году С. В. Калачева в кандидатской диссертации выступила с утверждением, будто сатира «К солнцу» вообще не

Концепция Стоюнина носит гипотетический характер и в настоящее время сохранение ее не может быть оправдано. Уже сравнительно давно установлены факты, полностью ее опровергающие.

Каковы же факты?

В 1892 году в июльской книге «Журнала Министерства народного просвещения» С. Н. Браиловский опубликовал новый текст сатиры «К солнцу» по списку, обнаруженному в частном собрании новгородсеверского библиофила Ф. К. Пономаренко.¹³ Этот текст значительно отличается от списка, воспроизведенного Н. С. Тихонравовым в «Библиографических записках». Разночтения были указаны С. Н. Браиловским в специальных примечаниях к напечатанному тексту.¹⁴ Самое существенное отличие заключалось в том, что вновь найденный список содержал авторский комментарий («Изъяснение»), отсутствовавший, как мы отмечали, в прежде известном списке. В «Изъяснении» находим важные сведения, касающиеся истории создания сатиры: «Писана сия сатира 1738 году месяца июля в последних числах, которую сатирик в немощи своей в забаву себе сочинил, рассуждая бедность человеческую, которой и он немало причастия имел; и понеже о состоянии свете оную писал, то избрал речь оную положить к солнцу, как к всесветному светилу, прилично. Совершив он сию сатиру, с покорнейшим своим прошением вручил оную одному из чистосердечных и весьма доброжелательных приятелей своих к исправлению, не довольствуясь по обычаю безмозглых, но высокоумных в себе голов своим скудным рассуждением».¹⁵

Наибольшую ценность в этом «Изъяснении» составляет заключающееся в нем указание относительно времени создания анализируемой сатиры — 1738 год, а не 1731. Исправление даты разрушает в самом основании всю господствующую концепцию внешней истории девятой сатиры.

Сам С. Н. Браиловский и большинство других авторов не обратили внимания на противоречие между датой создания сатиры, указанной в «Изъяснении», и традиционной датиров-

принадлежит Кантемиру, а написана кем-либо из его подражателей. В пользу этого предположения С. В. Калачева не привела никаких фактов, ссылаясь исключительно на субъективные представления об отличии названной сатиры от других сатир Кантемира; не учла она и всех данных, подтверждающих авторство Кантемира. Поэтому считаем ее мнение необоснованным.

¹³ С. Браиловский. Девятая сатира Кантемира по вновь найденному списку. ЖМНП, 1892, VII, стр. 67.

¹⁴ Там же, стр. 77—80.

¹⁵ Там же, стр. 73—74.

кой, восходящей к Стоюнину.¹⁶ Единственным исключением в этом отношении является Е. В. Петухов.¹⁷ Однако, принимая новую датировку Е. В. Петухов не счел необходимым критически исследовать вопрос, проверить, в какой степени отвечает действительности хронологическое указание, содержащееся в публикации Браиловского. Это упущение было тем более существенно, что труд Е. В. Петухова вышел уже после того, как Т. Глаголева высказала в печати сомнение в истинности новой датировки.¹⁸ Но для сомнений нет никаких оснований. В этом можно убедиться, обратившись к тексту сатиры, в частности к тому месту где излагаются рассуждения суевера-раскольника по поводу Библии:

Как — говорит — Библию не грешно читать,
 Что она вся держится на жидовской сати?
 Вон де за то одного и сожгли недавно,
 Что зачитавшись там стал Христа хулить явно.

(Стихи 31—34)¹⁹

Н. С. Тихонравов видел в стихе 33-м намек на казнь протестанта Квирина Кульмана, сожженного в Москве в 1689 году.²⁰ Это же истолкование было принято В. Я. Стоюниным и П. А. Ефремовым (I, 179). Между тем опубликованное Браиловским «Изъяснение» говорит о другом лице: «В Санкт-Пе-

¹⁶ См., например, следующие издания и статьи: Русская поэзия. Собрание произведений русских поэтов под ред. С. А. Венгерова, вып. VI, СПб., 1897, стр. 206; Кн. А. Д. Кантемир. Избранные сатиры. Изд. И. Глазунова, СПб., 1893, стр. 59; Т. Глаголева. Материалы для полного собрания сочинений кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1906, стр. 67; П. В. Быков. Первый русский поэт. «Знание для всех», 1913, № 7, стр. 31 и др.

¹⁷ Е. В. Петухов. Русская литература. Древний период. 3-е изд., Пгр., 1916, стр. 451.

¹⁸ Т. Глаголева. Материалы для полного собрания сочинений кн. А. Д. Кантемира, стр. 67; Т. Глаголева. Сатиры кн. А. Д. Кантемира и русский быт первой половины XVIII века. «Филологические записки», 1914, вып. 1, стр. 402. Новейший исследователь Ф. Я. Шолом, отстаивая традиционную датировку, выдвинул предположение, будто дата, указанная в списке Браиловского, не является истинной, а заимствована позднейшим переписчиком из примечаний к VI сатире по изданию 1762 года (см.: Ф. Я. Шолом. Російсько-українські зв'язки в галузі громадсько-політичної поезії XVIII століття. «Наукові записки Київського державного університету ім. Т. Г. Шевченка», т. XI, вып. IX, Філологічний збірник, 1952, № 4, стр. 142). Предположение это ничем не обосновывается и противоречит фактам. Версия о заимствовании даты (если уж переписчик не заметил, что речь идет о разных сатирах!) неверна потому, что у названных сатир разные даты; VI, согласно примечаниям, «писана... в начале 1738 года», а IX — «1738 году месяца июля в последних числах», как сказано в «Изъяснении».

¹⁹ ЖМНП, 1892, VII, стр. 68—69.

²⁰ «Библиографические записки», 1858, т. I, № 3, стр. 70.

тербурге 1738 году месяца июля в средних числах сожжен по уложениям блаженные памяти российских государей бывший морского флоту капитан за то, что принял жидовскую веру и так крепко на оной утвердился, что несмотря правды упрямством своим в страшном на спасителя нашего Христа хулении погиб...» С. Н. Браиловский, ссылаясь на цитированные строки, правильно заметил, что Н. С. Тихонравов ошибся и что в сатире речь идет, безусловно, не о Кульмане, а «о казни другого лица», которого, однако, «Изъяснение» не называет по фамилии.²¹ Браиловский же не пытался определить, кто это лицо.

Указанный в «Изъяснении» «морского флоту капитан» — несомненно, капитан-лейтенант Возницын, обращенный в иудейскую веру Борухом Лейбовым. Оба они были по приказу Анны Иоанновны сожжены именно в середине июля 1738 года, что и соответствует свидетельству сатирика: «сожгли недавно».²² (Напомним, что сатира, по признанию Кантемира, писалась «в 1738 году месяца июля в последних числах»).

Эти соображения убедительно доказывают, что авторское свидетельство о времени создания IX сатиры, содержащееся в «Изъяснении», соответствует истине и не может быть подвергнуто сомнению. Тем более, что ни одного веского довода против него не имеется.

Где была написана IX сатира?

Датируя сатиру 1731 годом, Стоюнин и его последователи считали, что она была написана в Москве.

На основании этих хронологических и локальных определений IX сатира привлеклась исследователями для характеристики душевного состояния Кантемира накануне его отъезда из России. Так, например, В. Я. Стоюнин писал: «При таком взгляде на состояние сего света, о котором Кантемир мог судить по московской да по петербургской жизни, ему не о чем было жалеть ни в одной столице, не над чем было долго задумываться при прощании» (т. I, стр. XXXI). В биографическом очерке о Кантемире, написанном Р. И. Сементковским, содержание сатиры также используется для характеристики умонастроения сатирика в последние месяцы его пребывания в России.²³

Таким образом, ошибочная датировка и неправильное определение места создания сатиры «К солнцу» повлекли за

²¹ ЖМНП, 1892, VII, стр. 74, 78.

²² ПСЗ, т. X, 1830, № 7612.

²³ Р. И. Сементковский. А. Д. Кантемир. Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1893, стр. 65—66.

собой ложные выводы более серьезного и принципиального характера. Е. В. Петухов из-за незнания фактов пришел к неверному выводу: «В июле того же года 1738, т. е. уже при переезде в Париж, была сочинена Кантемиром и так называемая IX сатира».²⁴

В действительности дело обстояло иначе. Во второй половине 1738 года Кантемир переехал из Лондона в Париж. Последнее из известных нам писем Кантемира из Лондона датируется 18 августа 1738 года.²⁵ В Париж Кантемир прибыл, как указывает исследователь его дипломатической деятельности, 8 сентября 1738 года.²⁶ Сопоставляя эти факты с датой создания IX сатиры, указанной в «Изъяснении» («1738 году месяца июля в последних числах»), можно с полной уверенностью заключить, что она была написана не в Париже, как утверждает Е. В. Петухов, а в Лондоне, примерно за месяц до отъезда в Париж.

Попутно необходимо уточнить, где (в Париже или в Лондоне) были созданы и другие сатиры, помимо первых пяти написанных в России.

В авторском примечании к VI сатире говорится о том, что она была написана в начале 1738 года (I, 142), т. е. во время пребывания Кантемира в Лондоне, и нет никаких оснований относить ее к числу сатир, «задуманных и написанных в Париже», как это делает Л. В. Пумпянский.²⁷

Что касается VII сатиры, в отношении которой имеется противоречивое утверждение М. Эрар, то она, как это следует из авторского примечания (I, 158), была написана уже после приезда Кантемира в Париж (в начале 1739 года).

О месте создания VIII сатиры разногласий нет: она была написана в Париже в конце 1739 года.

Таким образом, первые пять сатир, несомненно, были созданы Кантемиром в России (в Москве). В Лондоне Кантемир написал VI сатиру «Об истинном блаженстве» и, кроме того, IX сатиру «О состоянии сего света. К солнцу». В Париже Кан-

²⁴ Е. В. Петухов. Русская литература. Древний период. 3-е изд., Пгр. 1916, стр. 457. Разрядка моя, — Э. Г.

²⁵ Письмо Кантемира к маркизе Монконсель. В нем Кантемир, между прочим, пишет, что его отъезд состоится не позднее, чем дней через десять (Л. Н. Майков. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1903, стр. III).

²⁶ Н. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России, ч. IV. М., 1902, стр. 102.

²⁷ История русской литературы, т. III. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 191.

темир написал последние две сатиры: VII — «О воспитании» и VIII — «На бесстыдную нахальчивость».

Новая датировка IX сатиры позволяет также уточнить вопрос о последовательности, в какой Кантемир создавал свои сатиры. Как известно, в предсмертный сборник, подготовленный для печати (1743), Кантемир включил восемь сатир. Они были расположены в хронологической последовательности и в соответствии с этим получили порядковое обозначение, сохраненное и поныне. Открытие новой сатиры («К солнцу»), не вошедшей в названный сборник, внесло осложнение в нумерацию сатир. Чтобы не вызывать путаницы, исследователи, как уже отмечалось выше, обозначили вновь опубликованную сатиру девятой, полагая, что на самом деле, по порядку создания, ее следует считать шестой.²⁸ С последним мнением, однако, нельзя согласиться. После пяти сатир, написанных в России, Кантемир возобновил работу над созданием новых сатир за границей в начале 1738 года. Первой из заграничных и, следовательно, шестой в общем ряду его сатир была не так называемая IX — «К солнцу», а та сатира, которая и в традиционной нумерации обозначена VI — «Об истинном блаженстве». Последняя, как явствует из примечания к ней, была создана Кантемиром в начале 1738 года.

Что же касается IX сатиры, то, как указывается в «Изъяснении», она была написана в последних числах июля 1738 года, т. е. после VI сатиры. Известные нам еще две заграничные сатиры (по традиционной нумерации — VII и VIII) относятся к 1739 году. Отсюда можно заключить, что сатиру «К солнцу» следует фактически считать не шестой, а седьмой в общем ряду сатир; не последней из созданных в России (как считали сторонники стоюнинской датировки), а второй — из сатир, созданных за границей. Отсюда далее следует, что традиционная VII сатира («О воспитании») на самом деле является по порядку создания восьмой, а традиционная VIII («На бесстыдную нахальчивость») — девятой. Разумеется, не имеет смысла изменять устоявшуюся нумерацию сатир. Мы остановились специально на этом вопросе с целью уточнения реальной, фактической последовательности работы Кантемира над сатирами. Такое уточнение поможет накоплению проверенных данных, необходимых для построения правильной концепции творческой и идейной эволюции сатирика.

²⁸ Некоторые исследователи даже без всяких оговорок называют ее шестой. См.: Т. Глаголева. Материалы для полного собрания сочинений кн. А. Д. Кантемира, стр. 36.

Одна странная особенность в рукописной истории IX сатиры обратила на себя внимание исследователей. Еще Н. С. Тихонравов отметил, что среди многочисленных сборников, содержащих произведения Кантемира, лишь в одном из них удалось обнаружить текст занимающей нас сатиры. Тихонравов перечисляет 10 известных ему сборников.

Стоюнин знал больше, но и ему она попала в том сборнике, который указал Тихонравов. Сейчас нам известно еще больше сборников (приблизительно около полусотни), но положение существенно не изменилось: списки так называемой IX сатиры составляют большую редкость в рукописных сборниках, содержащих сатиры Кантемира.²⁹ Чем объяснить такое явление?

Попутно необходимо выяснить и другой вопрос. Чем можно объяснить тот факт, что так называемая IX сатира, созданная за границей, в тех редких случаях, когда она попадает в рукописных сборниках, обязательно соседствует с пятью русскими сатирами первоначальной редакции (вследствие чего «преписатели» даже нумеровали ее шестой)?

Ответы на все эти вопросы, хотя и не вполне исчерпывающие, можно найти в «Изъяснении» к сатире: Кантемир «с покорнейшим своим прошением вручил оную одному из чистосердечных и весьма доброжелательных приятелей своих к исправлению, не довольствуясь по обычаю безмозглых, но высокоумительных в себе голов своим скудным рассуждением». По-видимому, слово «вручил» надо понимать не в буквальном, а в более широком смысле: передал, переслал и т. п. и искать «приятеля» не в числе лиц, непосредственно окружавших Кантемира в Лондоне или Париже, а среди друзей, находившихся в России.

Но к этому времени (1738—начало 1739 года) в России уже в большом количестве ходили по рукам списки пяти сатир первоначальной редакции, сочиненных Кантемиром еще до отъезда за границу. Текст новой сатиры, присланной Кантеми-

²⁹ Кроме названного, теперь известны еще два списка. Один — в Библиотеке им. В. И. Ленина в Москве (см. «Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1879—1882 гг.», М., 1884, стр. 28). Здесь дано описание сборника, содержащего шесть сатир Кантемира первоначальной редакции, причем указано: «Последняя сатира — „На состояние света сего. К солнцу“, кроме настоящего, известна только в одном списке (Кантемир, Сочинения, изд. Ефремова, т. I, стр. 177). Многие варианты против печатного текста служат объяснением темных мест последнего». Следовательно, уже в 1884 году появилось в печати сообщение о новом списке IX сатиры — за 8 лет до публикации Браиловского. Другой хранится в Библиотеке АН УССР в Киеве.

ром в Россию, мог стать достоянием лишь немногих лиц, прямо или косвенно связанных с упомянутым в «Изъяснении» «приятелем». Те, кому удалось познакомиться с этой сатирой, переписывали ее вслед за пятью известными, соответственно именуя ее шестой. Этим обстоятельством объясняется, на наш взгляд, во-первых, почему сатира, созданная за границей, соседствует в рукописных сборниках с пятью «русскими» сатирами первоначальной редакции, а во-вторых, почему она редко попадает в этих сборниках.

Чем объяснить отсутствие в некоторых списках примечаний в IX сатире? В «Изъяснении» к ней Кантемир указывает, что послал текст сатиры «приятелю» для «исправления». Вполне естественно предположить, что посланный текст не имел примечаний и что последние были составлены позже, возможно после получения ответа от «приятеля» (иначе сообщение об отправке сатиры приятелю для исправления не имело бы смысла). Отсюда следует, что известные нам списки сатиры могут иметь два различных источника. Один — это указанный уже текст, посланный «приятелю» и лишенный примечаний; другой — текст, попавший в Россию позднее первого и снабженный, как и все сатиры, соответствующим «Изъяснением».

По-видимому, и в указанном выше сборнике, известном Тихонравову и Стоюнину, список IX сатиры был воспроизведен по первому источнику. Список, опубликованный Браиловским, по всей вероятности отражает более поздний, второй источник. Возможно, что различия между двумя указанными источниками касались не только примечаний, но и самого текста. Именно этим, очевидно, следует объяснить те разночтения, какие существуют между списком Тихонравова, с одной стороны, и списками Браиловского, библиотеки им. В. И. Ленина и библиотеки АН УССР в Киеве — с другой.

Итак, рассматриваемая сатира названа девятой условно, на самом деле ее следует считать по порядку создания седьмой и датировать 1738 годом. Как же, однако, согласовать с этими фактами цитированное выше свидетельство Октавиана Гуаско о том, что Кантемир после окончания восьми сатир начал было девятую, но из-за предсмертной болезни (конец 1743—начало 1744 года) не закончил ее? Идентичны ли эти сатиры? Верны ли свидетельства биографа? Не ошибочны ли наши выводы о времени, месте и последовательности создания IX сатиры?

Вопрос о тождестве IX сатиры и той, какую Гуаско именуется девятой, занимал уже в свое время Стоюнина. Вот что он

писал по этому поводу: «В „Житии князя Антиоха Кантемира“, напечатанном при первом издании его сатиры в 1762 году, говорится: „он начал было и девятую сатиру, но по несчастию болезнь оная совершить не допустила“. Если биограф имел в виду эту последнюю, на которую мы указали (так называемую IX, — З. Г.), то он ошибся, потому что заключительные стихи ее:

Больше с удивления не могу писати
И хоть не в пору, да уж принужден кончати

показывают, что сатира доведена до конца. Кроме того, неправильное падение ударений в середине стихов и некоторые славынизмы, которые уже не встречаются в последних стихотворениях Кантемира, убеждают нас, что эта сатира не могла быть написана перед смертью автора. Если же биограф говорит не об этой, а о другой, то мы должны только пожалеть, что не осталось никаких следов ее» (т. I, стр. LXXX). Таким образом, Стоюнин здесь утверждает, что сатира и упоминаемая биографом «девятая» сатира не являются тождественными произведениями. Между тем, в подстрочных примечаниях к IX сатире, принадлежавших также перу Стоюнина, мы читаем: «Эта сатира не вошла ни в одно из прежних собраний сочинений Кантемира, хотя о ней говорится в „Житии князя Антиоха Дмитриевича Кантемира“, напечатанном в первом издании его сатиры в 1762 г.» (I, 177).

Таким образом, противореча себе, Стоюнин здесь допускает тождество так называемой IX сатиры и той «девятой», о которой говорят биографы.

Позднее исследователи не касались больше этого вопроса. Нам кажется, что он может быть решен, если обратиться не к «Житию», на которое ссылается Стоюнин, а к первоисточнику биографических сведений о Кантемире — к очерку аббата Гуаско. «Житие князя Антиоха Дмитриевича Кантемира», приложенное к изданию 1762 года, как, впрочем, и многие позднейшие биографические работы о Кантемире, представляет собой лишь более или менее близкое переложение «*La vie du prince Antiochus Cantemir*» аббата Гуаско. Цитированные Стоюниным строки из «Жития», где говорится о «девятой» сатире, являются сокращенным переводом соответствующего места из очерка Гуаско.³⁰

³⁰ Стоюнин не обратил на это обстоятельство внимания, хотя был знаком с обоими «лондонскими» изданиями Кантемира (1749 и 1750 годы), содержавшими указанный биографический очерк, и мог сравнить его с «Житием» из русского издания 1762 года.

Сравнивая это место с цитированными отрывками из «Жития», замечаем здесь весьма существенные дополнения. В «Житии» говорится лишь о том, что Кантемир начал было, но не закончил из-за болезни девятой сатиры; здесь, кроме того, дается краткая характеристика ее содержания: «Из этой сатиры можно было бы увидеть, в чем, по мнению Кантемира, состоит дух философский и многие мнимые философы из нее могли бы узнать, как далеки они от цели».³¹

Правда, данная здесь характеристика недостаточно конкретна. Это объясняется, по нашему мнению, следующими причинами. Гуаско не знал русского языка. Переводы восьми сатир были им сделаны в сотрудничестве с Кантемиром первоначально на итальянский язык, которым русский сатирик владел хорошо.³² Лишь позднее, уже после смерти Кантемира, Гуаско перевел сатиры с итальянского на французский и издал их. Поскольку упоминаемая им «девятая» сатира не была включена в число сатир, предназначенных к переводу, она, очевидно, не была известна Гуаско в подробностях. Сам же он свидетельствует, что знает о ней лишь со слов Кантемира («ce qu'il m'en avoit dit»).

Учитывая сделанную оговорку о недостаточной конкретности данной биографом характеристики «девятой» сатиры, мы все же полагаем возможным отнести ее именно к IX сатире («К солнцу»). В этой последней мы, правда, не найдем положительно и систематически изложенного взгляда Кантемира на то, что, по его мнению, составляет «дух философский» («l'esprit philosophique»). Однако его философская концепция нашла в этой сатире чрезвычайно яркое выражение как в общем взгляде «на состояние сего света», так и главным образом в сатирической галерее образов, вполне подходящих к определению «мнимых философов» («prétendus philosophes») из характеристики Гуаско. Показательно, что сам Кантемир несколько раз называет своих персонажей «философами» и вообще рисует их не просто как носителей соответствующих пороков, а именно в качестве ложно-мудрствующих представителей «злых нравов».

³¹ Приведем полностью это место (речь идет о сатирах): «Nous en avons huit de lui: il en avoit commencé une neuvième, la dernière Année de sa Vie: ce qu'il m'en avoit dit, me fait regretter de n'avoir pû la joindre aux autres. On y auroit vû en quoi il faisoit consister l'Esprit Philosophique: et beaucoup de prétendus Philosophes y auroient pû reconnoître, combien ils sont éloignés du but: mais par malheur la Maladie ne lui permit pas de l'achever» (Satyres de Cantemir, стр. 67—68).

³² «Durant sa dernière Maladie nous les traduisimes ensemble en Italien» (Satyres de Cantemir, стр. 8—9).

Вся сатира построена на обличении всевозможного рода суеверий, безнравственных и вредных, с точки зрения Кантемира, «мудрствований».

Вот мужик-раскольник, который «аза в глаза не знает и болтнуть исправно», а между тем, «он ти воротит богословски речи». Здесь и «безмозгие» хуления Библии, новых установлений в церкви, «немецкого» платья и «брадобрития», париков — «всио адски приметы», по характеристике этого «философствующего» раскольника. Далее излагаются его суеверные представления о строении вселенной. Комментируя эти рассуждения, Кантемир в «Изьяснении» пишет: «Сии все речи неоднократно произносили суеверные головы, философствуя, как то земля стоит и на чем, и совершенно утверждают, что земля есть девица чистая и непорочная и стоит она на спинах четырех китов» и далее: «Помянутые пустые головы суеверных (буди достойно их назвать) философов доказывают, что солнце святое есть девица ж непорочная, живая и чувственная, и что оно когда заходит, то в своих палатах через ночь отдыхает» и т. д.³³ Для нас в этих комментариях представляют интерес характеристики, даваемые Кантемиром этим «суеверным философам», вполне соответствующие определению Гуаско («*prétendus philosophes*»).

Далее следует фигура защитника пьянства, который «ти понесет представлять резоны, / Что с ума тя собьет, хоть как будь ученый». «Сей то муж, — пишет далее Кантемир, — в философии и живет ненарушно: / Признают то пьяницы все единодушно. / Сей Аристотелю не больно уступит, / Паче когда мудрости вина кружку купит».³³

Следующий персонаж, выведенный Кантемиром, относится к числу «пастырей». Кто от «пастыря» хочет «божьих слов в церкви поучиться, — замечает Кантемир, — тот не раз потом оболются, / А чуть ли о том от них и слова добиются». Зато «за кружалом» эти «пастыри» (тут Кантемир прямо называет попов) становятся многоречивыми, излагая свою «речь медоточну» — «не учением ведь здравым и умным, / Но суеверным мозгом своим с вина шумным». Описывая затем ханжу-купца («к богу лицемер, к власти вор и хищник»), Кантемир предлагает обратить взор на то, «как учений заводят заводы», и дает сатирическое описание Академии наук, где «заморски учителя» и «палаты славны», но «бедный, кто сердцем учится желает» найдет только лишь «комплементы», «высоких же наук там и стены не бывало».

³³ Разрядка моя, — З. Г.

Вся сатира строится Кантемиром на противопоставлении должного и действительного. Хотя людям известны законы правосудия: «чтоб богатый не был прав, а обижен скудный, / Не судило б нам серебро, но правда святая», в действительности, «когда ж несут подарки, где злато блистает, / То вся та мысль за сто виорст от нас отбегает... Выше души ставим деньги не плоше Иуды». Таков вывод Кантемира, подкрепляемый образом взяточника подьячего. Наконец, образ «философа деревенского», который «обличает в людях моду грубу, / А себе четвериком сам валит за губу», завершает галерею сатирических персонажей и приводит Кантемира к пессимистическому заключению о «состоянии сего света», «причастного» «всем злым» (то есть всему злumu), полного «всех бедств» и «мерзостей».

Философия Кантемира, одной из главных особенностей которой была морально-этическая направленность, здесь выражена достаточно рельефно, хотя и не в положительной, а в критической форме. Впрочем, трудно представить себе какую-либо иную форму выражения взгляда на «дух философии», если принять во внимание, что этот взгляд должен был быть изложен в жанре сатиры. Гуаско имел основание говорить, что «из этой сатиры многие мнимые философы могли бы узнать, как далеки они от цели»: в самой сатире представлен ряд таких «мнимых философов», которых выдвинула современная Кантемиру русская действительность.

Произведенный анализ содержания сатиры «К солнцу» позволяет заключить, что именно это произведение имел в виду Гуаско, говоря о девятой сатире. Но в этом случае, на первый взгляд, возникает ряд осложнений. Стоюнин правильно подметил, что сатира «К солнцу» является законченным произведением. Между тем Гуаско указывает, что Кантемир начал было, но не закончил из-за болезни свою сатиру. Совершенно справедливо также и другое замечание Стоюнина, указавшего, что Кантемир к концу своей жизни не мог написать сатиру, пользуясь отвергнутой им уже к тому времени обычной силлабической формой стихосложения, в какой написана сатира «К солнцу». Наконец, принимая свидетельство биографа, что Кантемир создавал девятую сатиру в конце своей жизни, мы вступаем в противоречие с установленной выше точной датой создания этой сатиры. Верно ли в таком случае сообщение Гуаско? Мы полагаем, что оно, безусловно, заслуживает доверия, но должно быть правильно истолковано и уточнено. Гуаско, не знавший русского языка и судивший о работе Кантемира над IX сатирой лишь со слов последнего, видимо не совсем точно представлял себе, в чем именно заключалась эта работа. По прямому смыслу

его сообщения получается, что Кантемир начал было создавать новую («девятую») сатиру, но не успел ее окончить. Нам представляется, что Кантемир действительно незадолго перед смертью после отправки в Россию в марте 1743 года сборника, состоявшего из 8 сатир, принялся за работу над «девятой» сатирой, но работа эта состояла не в создании новой сатиры, а в переработке старой, имеющей законченный текст сатиры. И то обстоятельство, что IX сатира была написана нетонизированной силлабикой, служит наиболее реальным объяснением причины, побудившей Кантемира заняться подобной переработкой, незаконченной из-за предсмертной болезни.

Решение проблемы IX сатиры имеет важное значение для построения правильной концепции идейного и творческого развития Кантемира.

В существующей литературе эволюция мировоззрения и творчества Кантемира изображается в искаженном виде. Общий смысл господствующей концепции идейного и художественного развития сатирика сводится к резкому противопоставлению двух этапов его литературной деятельности — «русского» и «заграничного». Так, например, А. Шалыгин утверждал, что в последний период «обличения автора принимают отвлеченный философский характер, теряя в сатирической силе и в историческом значении».³⁴ Подобные высказывания мы находим и у Т. Глаголевой.³⁵

К сожалению, следует отметить, что в трудах советских исследователей это в корне неправильное представление не только не подвергалось критике, но получило дальнейшее распространение и стало пропагандироваться в качестве непреложной истины. Л. В. Пумпянский, разграничивая в творчестве Кантемира «два отчетливо несходных периода», утверждал, что во второй — «заграничный» — период произошло и «несомненное понижение уровня его политической мысли».³⁶ Эта точка зрения нашла свое отражение и в учебнике А. А. Кайева, вышедшем вторым изданием в 1953 г.³⁷ Должно отметить, что подобного

³⁴ А. Шалыгин. Антиох Дмитриевич Кантемир. Русский биографический словарь, том «Ибак—Ключарев», СПб., 1897, стр. 467.

³⁵ Т. Глаголева. Сатиры кн. А. Д. Кантемира и русский быт первой половины XVIII века. «Филологические записки», вып. I, 1914, стр. 400.

³⁶ История русской литературы, т. III, Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 205.

³⁷ А. А. Кайев. Русская литература, ч. I, 1953, стр. 422. Верное решение вопроса см.: Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века, М., 1955.

взгляда на эволюцию мировоззрения и творчества Кантемира придерживаются и современные зарубежные исследователи. Такая точка зрения выражена, например, во французском исследовании о Кантемире, изданном в Париже в 1938 году, автором которого является М. Эрар. Говоря о последних сатирах, М. Эрар указывает на то, что в них «сатирический пыл почти полностью исчез, уступив место размышлениям о роли воспитания и литературы», что Кантемир «вдали от родины отказался от своих дарований колкого наблюдателя, чтобы предаться отвлеченному размышлению».³⁸

В связи с изложенной схемой идейно-тематической эволюции сатирического творчества Кантемира находятся и господствующие в науке представления о различии «русских» и «заграничных» сатир в художественном отношении.

Так, Л. В. Пумпянский противопоставляет обе указанные группы сатир по их жанровым особенностям. Выдвинутое еще В. А. Жуковским деление сатир на «философические» и «живописные» принимается исследователем в качестве критерия для классификации сатир по жанровой манере, причем «русские» сатиры все оказываются отнесенными Пумпянским к разряду «живописных», а «заграничные» — к разряду «философических».³⁹ Внутренний смысл этого противопоставления заключается в том, чтобы доказать, что наряду с «понижением уровня политической мысли» в заграничный период литературной деятельности Кантемира происходило и «понижение» художественной ценности созданных им сатир.

Вся эта в своей методологической сущности чисто метафизическая схема идейно-художественной эволюции Кантемира искусственно рассекает путь сатирика на два «отчетливо несходных периода», абсолютно противопоставленных друг другу.

Неоспоримый факт создания IX сатиры в 1738 году, спустя более чем шесть лет после отъезда Кантемира из России, имеет исключительно важное значение для сравнительного анализа идейной позиции сатирика, подрывает утвердившееся мнение о «поправении» Кантемира в «заграничный» период.

Сатира «К солнцу» бесспорно одна из самых острых в социальном отношении. По своим идейным установкам, по силе сатирического обличения эта «заграничная» сатира несколько не уступает I сатире, по всеобщему признанию — самой разящей из всех сатир Кантемира. Это отмечают все исследователи, выступавшие с характеристикой IX сатиры, начиная от

³⁸ Marcelle Ehrhard. Le prince Cantemir à Paris. Paris, 1938, стр. 207.

³⁹ История русской литературы, т. III. Изд. АН СССР, стр. 192.

Н. С. Тихонравова и вплоть до современных нам авторов. Ведь именно сходство IX сатиры с первыми пятью по остроте социальной критики, а также по художественным особенностям послужило решающим аргументом для Стоюнина и его последователей, чтобы отнести эту сатиру к «русскому» периоду творчества Кантемира и гипотетически датировать ее создание 1731 годом.

Теперь же, когда точно доказано, что Кантемир создал IX сатиру в 1738 году, будучи за границей, настойчивые (и вполне правильные) утверждения исследователей о сходстве этой сатиры с группой русских сатир получают значение прямо противоположное тому, какое прежде им придавалось.

Идейно-политические тенденции, определившиеся в творчестве Кантемира в ранний период, не только не были ослаблены в позднейший, но получили свое дальнейшее углубление и развитие. Особенно явственно это обнаруживается при сопоставлении IX сатиры с I сатирой. Сатиры эти связаны между собой внутренней преемственностью общего замысла. Это не просто произведения, написанные на сходную тему и в сходном духе, но два произведения, из которых позднейшее (IX сатира) является органическим продолжением и развитием предшествующего (I сатиры).

Нетрудно обнаружить, что некоторые сатирические персонажи, выведенные Кантемиром в IX сатире, образно раскрывают ряд мотивов, намеченных, но не развернутых, в I сатире.

Так, например, в I сатире Кантемир, в числе других доводов, выдвигавшихся хулителями наук против «учения», приводит следующие:

Ереси и расколы науки суть дети;
 Больше врет, кому далось больше разумети;
 В безбожие приходит тот, кто над книгой тает;
 Говорит тот, кто и сам мало бога знает.⁴⁰

В своих комментариях Кантемир, опровергая этот довод, между прочим, замечает: «Хотя то правда, что почти все ересархи... были ученые люди, однако от того не следует, что тому вина есть наука их; ибо много ученых, которые да не еретики... между тем и то приметно, что в России расколы больше от глупости, чем от учения рождаются... суеверие есть истое невежества порождение» (I, 197). В IX сатире это небольшое замечание получает образное раскрытие в лице раскольника, который принимается за богословские рассуждения, сам «аза в глаза

⁴⁰ Здесь и далее I сатира цитируется по так называемой первоначальной редакции, созданной в России.

не знает» и притом еще хулит «истинное учение». Для просветителя Кантемира раскольничество выступает как ретроградная сила, противящаяся насаждению новой культуры и держащая народ в темном невежестве.

Образ раскольника помогает сатирику опровергнуть распространявшееся обскурантами мнение, будто науки являются причиной раскола, мнение, которое имело целью скомпрометировать просвещение в глазах современников Кантемира. Таким образом, здесь — несомненное углубление и развитие мотива, только намеченного в I сатире.

В IX сатире Кантемир с новой силой обрушивается на особенно ненавистных ему врагов просвещения из среды духовенства. Продолжая галерею сатирических образов I сатиры, Кантемир в новом произведении не просто повторяет свое обличение «духовных пастырей», а с еще большей энергией обрушивается на них, углубляет свою критику. Для Кантемира наделенный пороками «пастырь», изображенный в IX сатире, является ответственным за темноту и низкий моральный уровень «паствы». Отрицательные явления потому и держатся в простом народе, что ему не у кого учиться, не с кого брать примера: духовный пастырь своим корыстолюбием, пьянством, невежеством и суеверием только развращает «пасомых». С печалью описывая положение науки в I сатире:

Наука ободрана, в лоскутах обшита,
Из всех знатнейших домов с ругательством сбита;
И в самой богадельне места не находит,
Мразна, нага, голодна, беспомощна бродит,

Кантемир очень смело развивает этот мотив в IX сатире. Несомненно, имея в виду положение дел в зависимой от императрицы Академии наук, Кантемир с горькой иронией пишет:

Вон дивись, как учений заводят заводы:
Строят безмерным коштом тут палаты славны,
Славят, что учения будут тамо главны;
Тщатся хотя именем умножить к ним чести
(Коли не делом); пишут печатные вести:
«Вот завтра учения высоки зачнутся,
Вот уж и учителя заморски сберутся;
Пусть как можно скоро всяк о себе радеет,
Кто оных обучаться охоту имеет».
Иной бедной, кто сердцем учиться желает,
Всеми силами к тому скоро поспешает,
А пришел — комплементов увидит не мало,
Высоких же наук там стены не бывало,
А деньги хоть точатся тут беспереривно,
Так комплементов много с них: то и недивно.
(Стихи 138—152).

И здесь перед нами развитие мотивов, намеченных в I сатире, причем развитие с явным их политическим заострением.

В I сатире Кантемир мельком — в одной строчке — говорит о царящем в судах мздоимстве, порождающем несправедливые решения (стих 126). Комментируя этот стих, сатирик пишет: «Ст. 126. *Серебро, золото в приказах потеряет цену.* То есть, когда нельзя будет уже ничего деньгами в приказе себе на пользу сделать» (I, 201). Этот мотив в IX сатире развертывается гораздо полнее и глубже:

Грозят нам права земски, но бог правосудный —
 Чтоб богатой не был прав, а обижен скудный,
 Не судило б нам серебро, но правда святая,
 Винным казнь, а правым милость подавая.
 Мы ж то помним и знаем, как серебра не видим,
 И клянемся богу, что бедных не обидим,
 Но в правости все будем о душах радети,
 И на лица и серебро не станем смотрети.
 Когда ж несут подарки, где золото блистает,
 То вся та мысль за сто виорст от нас отбегает.
 Где божий и земский страх? Даром наши души,
 Как звонят серебряным колокольцем в уши.
 Подьячий ходит сух, худ, лишь кожа да кости;
 Ведь не с труда ссох, с коварств, да с завистной злости,
 Что ему не удастся драть так, как другому;
 Нет чем жену потешить, как придет до дому;
 Лучше б он изволил тут смерть перетерпети,
 Нежель над чийм делом без взятки сидети.
 Вон иному хоть деньги он с казны щитает,
 А не взять ему гривны — душа смертно тает.
 Так то мы милостивы, к бедным правосуды:
 Выше душ ставим деньги не плоше Иуды.

(Стихи 163—184).

Кантемир был одним из наиболее энергичных пропагандистов системы Коперника в России. Обычно указывается на его заслуги в качестве переводчика «Разговоров о множестве миров» Фонтенеля и почти совсем обходится молчанием тот факт, что и в своих сатирах Кантемир резко критикует суеверные представления о мироздании и отстаивает взгляды Коперника. В I сатире Кантемир, излагая доводы врагов науки, приводит следующий «резон» против изучения астрономии:

К чему звезд течение и свойства счисляти,
 Для одного в планете пятна ночь не спати,
 Для любопытства только лишиться покою,
 Ища, солнце ль движется или мы с землею?

(Стихи 97—100).

В IX сатире мы находим обличение суеверных невежественных представлений о земле, о движении небесных тел:

... как земля четырьмя китами
Стоит, которые ее подперли спинами;
Сколько солнце всякой день миллионов ходит,
И где оно в палаты в отдышку заходит.

(Стихи 43—46).⁴¹

Таким образом, в IX сатире Кантемир продолжает начатую еще в I сатире борьбу против фантастических невежественных взглядов на строение мироздания. Об идеологическом значении этой борьбы в эпоху Кантемира можно судить по тому факту, что в 1757 году, через 13 лет после смерти сатирика, его перевод «Разговоров о множестве миров» Фонтенеля, наряду с другими произведениями, пропагандировавшими гелиоцентрическое мировоззрение, был запрещен специальным постановлением Синода как сочинение богопротивное.⁴²

Число подобных примеров непосредственного развития отдельных мотивов I сатиры в тексте IX сатиры может быть увеличено. Мы остановились на сравнении этих двух сатир именно потому, что они являются наиболее значительными в социально-политическом отношении произведениями, представляющими лучшие достижения Кантемира соответственно в «русский» и «заграничный» периоды его сатирической деятельности. Сравнивая эти произведения, можно наиболее конкретно решить вопрос, имел ли вообще место тот пресловутый спад обличительного пафоса Кантемира, то «снижение уровня его политической мысли», о котором донныне твердят почти все исследователи. Создание IX сатиры именно в заграничный период служит одним из убедительных доказательств несостоятельности господствующего взгляда на характер идейно-творческой эволюции Кантемира.

Новые данные о IX сатире в корне подрывают созданную дореволюционным литературоведением схему эволюции мировоззрения и творчества Кантемира, доказывают, что между «русским» и «заграничным» периодами деятельности Кантемира существует общность и преемственность, что прогрессивные идейно-политические тенденции, определившиеся в ранний период, не только не были ослаблены в дальнейшем, но получили свое углубление и развитие.

⁴¹ Ср. цитированные выше примечания к этим стихам, где Кантемир саркастически отзывается о «пустых головах суеверных (буде достойно их назвать) философов...», распространяющих подобные нелепые представления.

⁴² Б. Е. Райков. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. 2-е Изд., М.—Л., 1947, стр. 263.